

Тамара Николаева

Этюды
к портрету «Мы»

Тамара Николаева

Этюды к портрету «Мы»

«Издательские решения»

Николаева Т.

Этюды к портрету «Мы» / Т. Николаева — «Издательские решения»,

«Этюды» — это биография моего времени, протянувшегося из века минувшего в век нынешний. Это история моей страны, где я выросла, и которая так стремительно исчезла. Конечно же, это и моя биография, но главное в «Этюдах» все-таки не — «я». Главное — портрет моего поколения.

© Николаева Т.

© Издательские решения

Содержание

Автобиография	6
Предисловие	8
Портрету товарища Сталина ¹	9
Эсминец «Быстрый»	11
Мой первый гусь ²	14
Неожиданный университет у Пятаевых	16
Вот такой правильный человек	18
Не уходи. Не уходи! Мы еще не сдали экзамен!	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Этюды к портрету «Мы»

Тамара Николаева

© Тамара Николаева, 2016

© Анна Николаева, фотографии, 2016

Фотограф Тамара Николаева

Иллюстратор Тамара Николаева

Редактор Анна Николаева

ISBN 978-5-4483-1124-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автобиография

Если очень коротко: в 1957 году окончила среднюю школу в городе Муроме. Попыталась поступить в Московский университет. Провалилась на первом же экзамене – написала сочинение о Маяковском всё в одно предложение! Первая заглавная буква и точка в конце.

Вернувшись, устроилась на работу. В то время с рабочим стажем поступать было легче. Работы выбрала самые трудные, как мне казалось, – стройку, потом заводской конвейер.

Ещё в школе писала в местную и районную комсомольские газеты. Заметки, стихи.

В 1962 поступила на факультет журналистики МГУ. Потом перевелась на вечернее отделение. Профессии прошла всякие: машинистка в Министерстве авиации, секретарь профессора В. В. Городиловой в институте им. Герцена, мотальщица на Декоративно-прикладном комбинате, редактор газеты в МИФИ, редактор в журнале «Советская торговля».

Много сотрудничала с программой «Спокойной ночи, малыши», ещё не помышляя о телевидении. Мечтала работать в каком-нибудь журнале, вроде «Науки и жизни». Наука интересовала меня всегда. Даже диплом писала на тему: «История генетики в русской журналистике».

И вдруг после окончания журфака мне предложили место редактора в телевизионной программе «Здоровье». Вот это да! Неожиданно. Растерялась – я же газетчик! Оказалось, интересно и совершенно ново. Обрадовалась, – вот тут и будет наука.

Самой замечательной и плодотворной на телевидении оказалась для меня работа редактором в программе «В мире животных». Она дала мне очень много во всех отношениях.

О растениях и животных я писала всегда, ещё с детства. Сначала называла их сказками. Но сказочным в них была лишь манера разговора с маленькими детьми. На самом деле истории были вполне серьёзными и просветительскими.

Начинала печататься в журнале «Юный натуралист». Потом «Работница», «Советский Союз», «Советская женщина», – тут выходили и мои детские истории, и вполне взрослые очерки. Несколько лет сотрудничала с журналом «Колобок».

В 2000 году вышла моя первая книжка «Почти невыдуманные истории» в издательстве «Алтей и К», там же в 2012 году была напечатана сказка «Упрямый ослик». В 2010 в издательстве «Издательский дом Мещерякова» вышла история «Про собаку, у которой не было имени», в 2011 в издательстве «Ювента» – «Задачки на удивление», в 2012 – «Оглянись и увидишь» в издательстве «Русская школа». В 2014 году Фонд «Новое тысячелетие» напечатал мою первую взрослую книгу «Мозаика или где наша не пропадала». В 2015 году детские и взрослые рассказы выходили в журнале «Поляна».

Ну, вот и весь мой послужной список. Пока.

Предисловие

«Этюды» – это биография моего времени, протянувшегося из века минувшего в век нынешний.

Это история моей страны, где я выросла, и которая так стремительно исчезла.

Конечно же, это и моя биография, но главное в «Этюдах» все-таки не – «я». Главное – портрет моего поколения.

Совсем не случайно вошли в книгу истории моих друзей, записанные по их рассказам. Потому что это Мы, это было наше время, которое не повторится. И может быть тем и интересно, как интересны нам события Древнего Египта или Древнего Рима. Где бы ни жили персонажи сложившейся картины: в столичном городе, в деревне, во Франции, в Израиле, в Германии, где бы то ни было ещё, – они оказываются похожими друг на друга.

Конечно, все разные, все индивидуальности, но всё равно «ягоды одного поля», всё равно родственные души. И это радость, это подпорка в жизни, отдельный подарок судьбы.

«Этюды» – моя благодарность моим друзьям. Все они – люди замечательные, даже так – замечательнейшие. Так или иначе, значимые не только в моей жизни. И не очень важно, рядом они со мной сейчас или далеко. Я знаю, что они есть. А теперь о них будете знать и вы. И мне это нравится.

Портрету товарища Сталина¹

1953 год. Провинциальный городок. Спокойная, размеренная жизнь. Что есть на свете какие-то катаклизмы – нам неизвестно. Бунты, тюрьмы, ГУЛАГи – про такое не слышали. Вот у Вальки украли вареники – обсуждается. Сама она это событие не переживает. «А, свалю на младших!» – беспечно машет рукой. У них большая семья – шесть детей, и она старшая. Ей все сходит с рук. Она – прима в танцевальном кружке! Мать ею гордится.

Утром, не глядя куда попадаю, шлепаю валенками по мокрому снегу, по лужам – спешу. Надо до уроков забежать к классной руководительнице. Мы с ней вместе делаем стенгазету.

Тороплюсь и все-таки замечаю – что-то вокруг тягостно. То послышался далекий длинный заводской гудок. То кто-то распахнул окно и что-то крикнул. Что, не слышно, но что-то тревожное. Вдруг по тихой улице пронесся сумасшедший грузовик и – прямо к горкому. Оттуда выбежали люди с воплем...

В школу врываются, как всегда, девчонки и чей-то радостный крик замирает на полуслове – все упирается в огромный портрет товарища Сталина. Где только такой взяли! Портрет обвит черной лентой. А!... съеживаются все.

Заплаканная классная руководительница встречает нас, шепчет: «Умер товарищ Сталин!» И шепот ее разносится, как набат. «Как жить дальше?!» – плачет нянечка в раздевалке. У всех разом обрывается сердце и неизвестная раньше вселенская тоска гонит нас в актовый зал. К взрослым, к учителям, – они утешат, они научат – как жить дальше.

Но и в зале нет утешения, взрослые и дети плачут вслух и потихоньку. Растерянность и тоска мечутся от стены к стене. Кажется, что сам воздух стал от них густ и как облако ползет к высокому потолку. А с потолка глядят на нас лики. Глядят спокойно, невозмутимо и без какого-нибудь сочувствия.

До революции наша школа была женской гимназией с большим актовым залом, служившим очевидно и для молебна, и для танцев. И теперь мы, советские школьницы, поколение за поколением на уроках физкультуры старательно оббивали роспись от наслоений ежегодной побелки.

В нашей школе все девчонки умели потрясающе запускать мячи свечкой. В баскетбольную команду рвались даже такие – метр с кепкой – как я. И выдерживали конкурс.

А теперь лики смотрели вниз, на слезы, вскрики, бурные рыдания даже как-то насмешливо. Хотелось что-то сделать наперекор им, наперекор всему. Кто-то глянул в окно, на соседнем участке стояла пушистая елка. «Даешь лапник!» – крикнули в слезной толпе, – «Портрету товарища Сталина!»

Не помню, сколько нас ринулось вон из зала. Забор перелетели, как птицы. Откуда взялся топор? Нижние ветки уже тащили к школе, когда вышел хозяин елки. «Вы, что, девочки, с ума сошли?!» Уже кто-то из учителей: «Простите нас, мы украшаем портрет товарища Сталина!»

«Ну, портрет Сталина...» – потерянно проговорил мужчина, махнул рукой и ушел в дом.

Портрет украсили. Даже из соседней, мальчишеской, школы приходили посмотреть и качали головами – разве мальчики догадаются.

Прошло пятьдесят лет. Теперь мы знаем все: и про Сталина, и про ГУЛАГи, и про дела инженеров, врачей.

Каждый год, приезжая в свой город, я иду по старой улице и неизменно притормаживаю около своей школы. Ее старинное здание красного кирпича с затейливо выложен-

¹ рассказ впервые напечатан в журнале «Поляна» в ноябре 2015 года

ными узорами стоит незыблемо и греет душу. Но за ним, как перст в небо, высокая голая ель с взлохмаченной макушкой.

Эсmineц «Быстрый»

Он до сих пор стоит на пьедестале в зале бывшего Дома пионера города Муром. Надеюсь. А может быть, стоял до недавнего времени.

В 1954-м году в нашей совершенно сухопутной школе организовался кружок морского моделирования. Пришел как-то Капитан, как нам его представили, мы его так и звали: «Капитан», поэтому имени-отчества даже не и знаю. Капитан звал в кружок всех, и девочек тоже.

У меня уже были: кружок театральный, кружок туристический, кружок ботанический. Но мы со Светой Топоровой, моей соседкой по парте, решили, что и этот не помешает. Тем более, что домой меня особо не тянуло, мы с мамой ещё не нашли какого-то общего приятного языка. Мне, правда, невероятно повезло с отчимом. Мой дядя Сережа поддерживал все мои выдумки и начинания. Мы с ним крепко дружили. Поговорила с ним. Он: «Давай! Что, зря что ли над Окой живем!» – На том и порешили.

Но было ещё одно обстоятельство, о котором знали только самые близкие подружки. Но и они знали не всё.

Когда-то, классе в пятом, начитавшись всевозможных морских рассказов, я загорелась морем. Страшно сожалела, что родилась девочкой. Подружка по дому, ровесница Таня Стенягина, сочувствовала. Хотелось быть похожей на мальчика, но отец отрезать косицы не разрешал.

Каждое утро моя Таня запутывала мои тощие длинные косички немыслимыми узлами, чтоб их будто бы и нет вовсе. Потом бежали в разные школы – это оказалось важным. Ей можно было рассказывать разные выдумки, про которые в моем родном классе никто не узнает. Уж очень языкастый и насмешливый подобрался у нас народ. Того гляди, высмеют.

Поначалу только Таня знала, что у меня есть двоюродный брат Игорь. Начисто выдуманный. Но об этом Таня не должна была догадываться. Игорь «жил», естественно, в Севастополе. И учился в Нахимовском училище. О жизни училища вычитала в какой-то книжке, потому врать было легко.

Не помню, каким образом, но некоторые классные подружки к седьмому классу тоже узнали про Игоря. Скорее всего, увидели фотографию молодого красавца в бескозырке, с которой я не расставалась. Так Игорь поселился в нашем классе и девочки очень его полюбили. Каждую осень приходилось пересказывать книжки, в которых Игорь «плавал» по разным морям летними каникулами.

Потом я «поступила» его в Ленинградское Высшее военно-морское училище. К концу школы он так мне надоел, да и сама уж повзрослела, что отправила его в кругосветку на «Крузенштерне» и вздохнула, наконец, свободно.

Но к моменту возникновения кружка Игорь еще благоденствовал. Девчонки, посвященные в тайну и все как одна влюбленные в моего брата, говаривали даже, что Капитан будто бы отыскал меня по его поручению.

И вот мы со Светой пришли в мастерскую. Мальчишки, естественно, подняли нас на смех. Но Капитан решительно заступился. Более того, дал нам самую сложную модель – эсmineц «Быстрый». Длина корпуса – метр.

И начали мы пилить, строгать, вытачивать детали, клеить. Света подошла к делу с научной точки зрения. Папа её нашел военно-историческую литературу. Мы всё прочитали и щеголяли знаниями технических подробностей и биографий адмиралов и прочих чинов, имевших отношение к «Быстрому».

Если не хватало каких-либо материалов для строительства, Света подключала родителей, я – отчима. Он добыл где-то тонкие алюминиевые заготовки для труб на корабле. Све-

тин папа нашёл для нас нужную серо-серебристую краску, какой следовало окрасить корпус корабля.

Однажды наш Капитан привел двух курсантов-связистов посмотреть наш корабль. Его нужно было оснастить проволочками и чем-то ещё, уже не помню. Курсанты осматривали эсминец, качали головами, цокали языками. Бегло осмотрели модели мальчишек. И опять сгрудились с Капитаном около нашей.

Сначала не поверили, что мы всё делали сами, и что Капитан не пилил, не строгал за нас. Тот поклялся.

– Уважаем! – сказали курсанты и обещали добыть для нас всё, что требовалось. На следующий день Капитан позвал нас со Светой пойти вместе за обещанным.

Курсантов отпускали на волю редко. А на улице был май. Всё утопало в свежей зелени и нам очень хотелось пройтись по городу и даже покрасоваться перед курсантами, навязав ослепительно белых бантов.

Мы со Светой ожидали увидеть какое-то парадное здание с торжественным подъездом, а пришли к длинному каменному забору с колючей проволокой поверх. Над забором высились купола церкви.

– Тюрьма?! – испуганно спросили мы хором и замерли на полушаге.

– Ну, что вы, девочки. Это военное Училище связи, – торжественно сказал Капитан, – Здесь моё основное место службы.

– А как же вас выпускают? – растерянно спросила Света, глядя на два ряда колючей проволоки. – А я вольноопределяющийся! – засмеялся Капитан. И мы поняли, что быть вольноопределяющимся – большая привилегия.

Капитан прошел под высокой аркой, забранной могучей чугуновой решеткой, два солдата с винтовками отдали ему честь, а он ласково проговорил им: «Вольно, вольно, ребята!» Мы остались перед воротами. Каменная ограда тянулась по всей улочке, спускалась вместе с косогором вниз к Оке, запутываясь книзу колючкой в деревьях. Была она грязной, местами ободранной, словно её время от времени брали штурмом.

На другой стороне улочки стояли старые домишки и заборы у них тоже высились вровень с крышами. Из калитки одного из домишек выглянула старая бабка, почему-то перекрестила нас со Светой и сказала: «Деточки, бедные...»

Мы не поняли, почему мы бедные, но тут, к счастью, вышел наш Капитан, вынес нам несколько мотков разноцветной проволоки, объяснил, какую куда крепить на нашем эсминце и пообещав завтра прийти в школу, заторопился обратно.

– У нас сегодня торжественная линейка! – радостно улыбнулся он.

Надо же, линейка, как у нас в школе! И на душах у нас немного посветлело. Мы почувствовали себя храбрыми пионерками, почти разведчицами. И решили пойти назад путём неразведанным.

Пошли переулками, помня главное направление... Здесь уже был не город, а деревня. Домишки все почему-то покосившиеся, дорожки горбатые и ухабистые. Переулки шли один над другим по крутой горе над рекой. Мы с верхнего переулка видели всё, что происходило в дворах и на огородах жителей нижнего переулка.

Всё это было особенно интересно Свете, она жила в центре города в большом красивом многоэтажном доме. Мне же всё это напоминало мою окраину с тоже частными домами, огородами, садами. Также бегали собаки, кое-где блеяли козы и пели петухи.

Завтра было воскресенье. В школе тоже готовились к торжественной линейке. Музыка, лившаяся из актового зала, заполняла всю школу. Мы прошли в свой класс, где шло занятие драмкружка. Быстренько отчитав вызубренные отрывки из Маяковского, побежали к своему эсминцу.

В классе были только трое мальчишек, строивших модель паровоза «Илья Муромец». Это был спецзаказ железнодорожников. Модель была ещё больше нашей и тоже очень хорошо получалась. Она потом долгие годы, как наш эсминец, стояла в Доме железнодорожника. И старая уборщица – внучка машиниста, водившего этот паровоз во время войны, сметала с него пыль и рассказывала малышам, которых туда приводили из школ, историю паровоза и своего деда.

Мы со Светой прикрепили все проволоочки и навели последний блеск на своём творении. Через неделю, на торжественной линейке, будет определена лучшая модель и её перевезут в городской Дом пионеров. Никто не сомневался, что лучшая – наша.

– Эта модель в честь твоего брата Игоря! – вдруг взволновано сказала Света. – Я надеюсь, что ты ему давно написала про наш «Быстрый» и про меня... – тихо закончила Света. И только тут до меня дошло, что Света, как многие девчонки в классе, была влюблена в моего выдуманного брата. Что мне оставалось делать?! Конечно, пообещать, что писала про эсминец и про Свету особенно. Ведь она оказалась моим лучшим товарищем и сподвижником. Во времена моего детства это ценилось превыше всего.

Прошло много лет. Где ты теперь, Света? Где Капитан? Сгинуло Военное училище связи, почти исчезли ветхие домишки и кривые переулки. Теперь на горе высятся нарядные коттеджи и ездят по переулкам дорогие машины.

Давно сняли с каменной ограды бывшего училища колючую проволоку, подновили, покрасили, распахнули тяжелые чугунные решетки ворот – входи, верующий и неверующий люд. Теперь здесь, как встарь, большой мужской монастырь с обновленными церквями, службами, воскресной школой, своей пекарней и прочим-прочим.

Меня же особенно радует прекрасный сад. Он раскинулся вокруг храмов и строений на крутом берегу Оки. Из ажурной беседки можно любоваться заокскими далями и думать, что всё проходяще и всё возвращается на круги своя, задуманные не нами.

Мой первый гусь²

1954 год. Господи, как давно-то! Мы, десяток девчонок из седьмого «бедового», (это было нашим заслуженным с прошлого года, прозвищем) класса решили организовать туристический кружок. Наш идейные вдохновитель, учительница истории, уговорила нас пустить в кружок и мальчишек.

Женскую и мужскую школы только что объединили. Наш класс, как и другие, хотели располовинить, чтобы девочек и мальчиков было поровну. Но мы встали дыбом. Директор вспомнил прошлогоднюю историю, как мы проучили (любимого!) учителя по черчению и рисованию Лёвина.

Тот добродушно, окая по-муромски, говаривал то одной, то другой ученице: «Да у тебя тут забор колов!» И ставил в журнал очередной кол за плохой чертеж. Хоть Лёвина все и любили, но «колы» – надоели. Кто-то из нас вызнал, что он не выносит запаха чеснока.

Притащили в класс чеснок, густо намазали им классную доску и подоконник, на котором обычно располагался наш учитель, а сами напихали в нос нюхательного табаку. Лёвин влетел в класс, на мгновение замер, поведя носом, бросил журнал на подоконник и тот тут же приклеился к подоконнику, мел скользнул по доске, не оставив следа. Класс чихает, как заведенный... Лёвин побагровел, выскочил из класса.

Началось такое!.. Особенно неистовствовали завучи. Мы не выдали зачинщиков, несмотря на вполне серьезную расправу. Лёвин же и директор в конце концов нас спасали от «завучих».

Вот с тех пор наш класс учителя меж собой так и звали – бедовый. И в новой ситуации на нас махнули руками – учились мы все хорошо – класс оставили в целостности, прибавив семь ли, восемь ли тихих мальчиков.

После тщательного отбора в кружок мы взяли двоих – Вовку Святова и Яшу Свердлова. Надеть бы Яшке пенсне – был бы вылитый Яков Михайлович. Честное слово.

И вот наш первый поход по заокским деревням. Местные мальчишки бегут за нами с воплем: «Гляди-ка, девки в штанах!» Мы, все как одна, в широких шароварах. Что есть на свете джинсы тогда никто из нас не имел понятия. Наша руководительница храбрая Марья Ивановна – школьная пионервожатая восемнадцати лет – спокойно отмахивалась от них, как от брехливых собачонок.

Зашли в деревенский магазин купить свежего хлеба. На лужайке перед ним пасутся гуси. Наши мальчики плетутся в хвосте, несут буханки и отламывая от одной кусочки, бросают гусю. Гусь шлепает за ними. Уже полбуханки им съедено. Уже давно скрылась за лесом деревня. Мы перешли мелкую лесную речку, пора устраиваться на ночлег.

Мы оглядываемся, гусь идет за нами. Мария Ивановна этого не видит.

– Что делать с гусём? – шепчемся потихоньку.

– Ты яблоки взяла? – догоняет меня Яшка.

– Конечно, взяла, не видишь, еле рюкзак тащу. – Только у меня яблоневый сад.

Марья Ивановна находит большую поляну, она эти места знает, здесь выросла. Скидываем рюкзаки, в руках топоры, веревки. Палаток не было, строили шалаш из подручного материала. В ход шли кусты, ветки, на подстилку лапник. Шалаш готов.

На поляну опустился глубокий вечер. Ярko полыхает костер. Густые сумерки вокруг кажутся черными. Немножко страшно. Девчонки волнуются, мальчишки куда-то подевались – впервые всколыхнулось ощущение – защитники... – «И гуся не слышно» – прошептал кто-то.

² рассказ впервые напечатан в журнале «Поляна» в ноябре 2015 года

Кипит вода в котелке. Марья Ивановна вслух думает – из чего варить кашу.

Тут из темноты выплывают мальчишки, подходят к Марье Ивановне с повинными головами и предъявляют ей гуся со свернутой шеей. Марья Ивановна отругала их – чужого гуся увели, нехорошо!

Тут мы все хором стали оправдываться: гусь сам за нами шёл. Мы не знаем, чей он. Что оставалось нашей Марье Ивановне? Дело сделано. И она, как опытная деревенская же жительница, помогла нам распотрошить и общипать гуся, заодно научив этому на всю оставшуюся жизнь. Набили гуся моими яблоками, подвесили на толстой жердине над костром...

Сколько потом было съедено этих гусей, поданных на стол в различных экспедициях и ресторанах, и купленных на базаре, и диких, подстреленных егерями. Но тот, мой первый гусь, вне конкуренции!

Неожиданный университет у Пятаевых

1959 год. Самый центр старого Муром. Арка большого каменного дома выходила на знаменитую муромскую водонапорную башню, построенную по проекту инженера И. Е. Ержемского в 1864 году. Темная длинная лестница на второй этаж. Какая-то кукольная прихожая. Тоже темная со стыдливо приткнутой в уголок керосинкой или чем-то, на чем готовят. В этом доме к еде относились невнимательно.

А дальше две узкие комнаты с узкими железными кроватями, застеленными солдатскими серыми грубыми одеялами.

Зато книг как в большой библиотеке. На русском, на немецком языке, на английском, на французском... Ну, на немецком – понятно. Мы в школе учим немецкий язык. А зачем на других-то языках?

И тут Танина бабушка – махонькая старушка с меня ростом, усмехается: «Да ведь я, милая, гимназию окончила!» В гимназии когда-то так учили!? Вспоминаю, что старушка кроме гимназии окончила медицинский институт и всю жизнь проработала врачом. Вот тебе и старушка...

Захожу к Тане как-то в каникулы. Тани нет. «Да где же она может быть?» – недоумеваю. Бабушка отвечает: «Сегодня она у художника на уроке рисования. А завтра у нее скрипка. Так что приходи послезавтра».

«Хочешь, я скажу ей, чтобы она подарила тебе какой-нибудь рисунок? Ну, чтобы ты знала, как надо...» – совершенно серьезно спрашивает ее мама. До сих пор среди моих собственных детских рисунков лежат листы с Таниными. Ее подарок. Для примера – как надо.

Таня всегда и про все знала – как надо. Была умна и развита не по годам. Учителя ее побаивались. Класс всегда был не готов к контрольным. Особенно по математике. И вот кто-то начинал канючить: «Тань, придумай что-нибудь! Ну, задай вопросик какой-нибудь!»

«Отстаньте! Надо было заниматься, как следует!» – высокомерно и немного брезгливо отвечала Таня. Но все-таки вопросик задавала... Иногда наш математик радостно цеплялся за него и начиналась дискуссия, за которой, затаив дыхание, следили все – и даже те, кто откровенно Таню не любил.

Меня же она безмерно удивляла. Временами восхищала. Инопланетянин!

Иногда мы ходили вместе гулять. Когда ей нужно было осмотреть какое-то здание или пейзаж по повелению учителя-художника. Мне было интересно и смотреть, и слушать ее объяснения. «С точки зрения архитектора...» Или «Посмотри, как падает свет. Как он рисует...» Ее разговоры, объяснения, суждения были не сказать «новы», были из другой жизни. Вернее, из другого понимания жизни.

Я слушала, удивлялась, иногда внутренне бунтовала почему-то, но... слушала. На первых же лекциях в МГУ вспомнила – вот где была моя первая ступенька. Пятаевская!

Во всех прочих отношениях Таня была обыкновенной девчонкой, ну, может быть, чуть взрослее, чем все мы.

– Ты знаешь, почему я дружу с тобой и Инкой? Потому что ты хоть пишешь стихи, а Инка красивая.

Что правда, то правда. Я тайно писала корявые стихи, а Инна Тарновская была просто красавица. И умница, к тому же.

Все девчонки в классе думали, что Инна дружит с Валькой Остудиным. Он был тоже красив, строен, умен и слегка высокомерен.

Мы учились в десятом классе. Совершенно неожиданно школьный комитет выбрал меня Председателем Совета старшеклассников с правом самой набрать себе команду. Был такой странный момент либерализма. Первым я записала в команду Остудина, не потому,

что мне тоже немножко нравился. Самый интересный во всей школе мальчик. А потому что представлять команду должен был непременно красавец, похожий на некогда выдуманного брата Игоря.

Ко времени возникновения Совета выдумка моя мне надоела и чтоб девчонки не приставали – где он, да что теперь делает, «отправила брата» в кругосветку на «Крузенштерне». Надоесть-то надоела, да и повзрослела к тому времени, но всё равно временами ещё жалела, что родилась девчонкой.

Таня легко, с лёту, поступила в Ленинградский университет на немецкое отделение. В Ленинграде жила ее старшая сестра Зоря (Аврора). И вот тут-то оказалось, что дружил Валька с Таней. Потом они поженились, у них родилась дочка.

Последний раз мы встретились на каникулах, меня специально пригласили в гости. И вся шкура моя покрылась жгучими мурашками, когда услышала его ласковое «доча моя» ... Валька укачивал на руках белый сверток. Что было дальше – история не моя.

Провалившись на первом экзамене, я осталась в Муроме зарабатывать рабочий стаж. Мечта всё-таки поступить в Московский университет покоя мне не давала.

Осенью случайно встретила с мамой Тани. «Ты заходим к нам с работы, я вижу, ты мимо все время ходишь. Без Тани совсем пусто в доме». И я стала заходить.

Скоро они обнаружили мою неграмотность в музыке, живописи, литературе и взялись за меня всерьез. Каждый вечер меня ждали подобранные книги, их собственные выписки и рассказы, рассказы... А потом требовали ответов, отчетов, растолковывая непонятое.

Только тут я узнала, что Танина мама – журналист в местной газете. Когда-то работала в «Комсомолке». Но потом муж, Танин отец, «попал под репрессии» – как однажды выдохнула бабушка, когда мы с ней оказались вдвоем. Таниной маме пришлось вернуться в тихий Муром.

Однажды встретили меня торжественно: Танина мама в длинном платье – красивая! Бабушка в нарядной блузке с брошью-камеей. Увидела такую – впервые. На столе чай с пирожными. Вечный патефон на специальном маленьком столике открыт. Танина мама приглашает к столу: – У нас сегодня праздник, день рождения нашего любимого Вивальди!

Так они подарили мне Вивальди. Потом Шопена, Моцарта, Баха. Чайковский же все время звучал по радио. Даже сейчас душа заходится – до чего же я была темная в своем пригороде «на Штапу».

Школа тогда была скособочена на совсем-совсем официальных именах. Вот Маяковского и Есенина знала отменно. Да ещё Твардовского и почему-то Корнилова... Пятаевы дали мне переписанные от руки стихи Марины Цветаевой. И – всё... Сама писать стихи бросила. Ведь Марина сказала всё, что хотелось сказать мне самой. И как с казала! Разве можно было писать после таких стихов!?

Вот такой был у меня первый университет. Столько новых для меня историй, книг, событий! Если бы знали они, как разбредили душу, какая во мне поднялась суматоха... Да, наверное, знали. Не просто же так «запихивали» в меня, торопясь успеть за ту зиму, всю историю страны, литературы, личностей. Все, начиная от декабристов.

Но вот тут-то я, наконец, почувствовала некое облегчение и чуть, как мне казалось, приподнялась до уровня моих новых учителей. Дело в том, что декабристами меня ещё подростком «кормила» моя старшая подруга, библиотечарша тетя Клава. «Кормить» – было её выражение. Клавдии Ивановне было, наверное, лет сорок, а мне тринадцать. Она увлеченно занималась декабристами, писала статьи в серьезные журналы, проверяя сначала на мне будущее звучание.

Вот такой оказалась первая ступенька моего неожиданного, нежданного и потрясающего университета.

Вот такой правильный человек

Она и внешне была сдержанной, выверено аккуратной, в строгих тонах... Так грустно всегда писать «была» ... Но все-таки от первой до второй фразы она прожила интересную жизнь.

Я ею гордилась – Аля Левина проработала все свое время в «Комсомольской правде», которую я выписывала лет с шестнадцати. Многие годы с особым чувством читала большие очерки Али. Нет-нет, не завидуя, а именно гордясь. Человек добился того, что хотел. И уверенно держал планку. Не всякому дано – поучала я круглый глиняный кувшин, когда-то подаренный ею. Кувшин в ответ молчал. А может молча считал: книгу надо читать, книгу!

Вот так и живем. А началось все с трагикомедии.

1961 год. Первый экзамен в университет сочинение. Тема – мечта! Маяковский! Да я его знаю наизусть. На школьных вечерах читала, чеканя слова и рифмы.

И вдруг – в вывешенных списках против моей фамилии двойка... Мир обрушился... Шальная мысль – а вдруг это ошибка... Иду в деканат, а там мне навстречу: «А мы вас ищем! Да двойка у вас, двойка», – «успокаивает» меня мадам с классическим пучком на голове. «Но у нас такое впервые – вы все сочинение написали в одно предложение! Первая заглавная буква и... точка в конце!» Тут даже ее энтузиазм глохнет. «Как? Я же в школе была королевой запятых и вообще всякой пунктуации... Не может быть...»

Мне показывают мое творение. Действительно, ни одной запятой. Мне даже смешно: «Да я же все знаю, давайте расставлю!» Поздно. Они понимают – я волновалась. Но придется приезжать на следующий год. Заработать стаж и снова поступать.

Это уже меня утешают мои соседки по кроватям в огромной комнате общежития на Стромынке. Не жалеют, а отчитывают и наставляют. Аля Левина, поработавшая уже в тульской газете, Галя Подгурская с Украины, тоже издавшая, где раки зимуют. И Наташа Кузнецова из Пятигорска. Очень решительная и смелая. Она проучилась на журфаке год ли два ли, потом маханула на Север и вот вернулась поступать снова.

Они все сдали, поступили. А пока сдавали, я таскалась за ними, как собачонка и слушала, что они говорят. По-моему, у меня даже уши двигались на манер собачьих – чтоб ни звука не пропустить! Не знаю, видно ли было это со стороны, но я так ощущала.

Гулкая комната на двадцать коек – голая казарма, льдина, где ты однажды закочнешься, если один. Мои «наставницы» ушли по делам. Но пришла бойкая девушка со второго курса, которая почему-то жила с нами, с абитуриентами. Поглядела на мое веселенькое платье в розовый цветочек: «Какое хорошенькое платье! Дай его мне, а сама надень мое. Ну пойдем, пойдем, ну я прошу тебя, не пожалеешь». Идти не хотелось, но очень уж давила на меня эта голая комната. И пошла с новой знакомой к мальчикам с юридического послушать музыку.

Широкие коридоры со стенами, выкрашенными сине-тусклой краской, двери-двери-двери по сторонам. Потом узнала, что наше общежитие было тюрьмой. К тюремному существованию вернулось оно и теперь. А тогда только дух пустыни и отверженности от всего так и висел в воздухе.

Вошли в узкую комнату на две кровати – одна за другой. Крошечный стол у двери, стул и окно в глубокой нише напротив.

В комнате нас ждали всего два мальчика, а я-то думала – компания... Один снял с гвоздя аккордеон и начал играть «Амурские волны». Моя «подруга» тут же легла на кровать. Парень, сидевший до этого на кровати, вскочил и выключил свет. Тут-то все стало понятно. Второй бросил свой аккордеон на пол и схватил меня за руку.

Не на ту попал – я же сильная – шлюпочница, баскетболистка... Выскочила в пустой страшный коридор... Куда идти? В какую сторону? Как нашла свою комнату – не помню. Сажу в ознобе, растерянности и слезах. Пришли мои Аля-Галя. Потребовали – отвечай, что случилось.

Рассказываю и вдруг меня смех разобрал – совершенно не к месту вспомнилась история прошлой осени.

Возвращаюсь домой поздно вечером. Мой пригород безлюден, весь в высоких заборах. По тем временам кричи – не докричишься. Единственные живые существа здесь я и бездомные собаки. Друг друга боимся. Еще боимся встречных. Вдруг встречный – пьяный? В собак кинет камнем, а на меня кинется... Вот и смотрю, судорожно протирая очки – впереди столб или мужик? Стоит или качается?

Догоняет меня тетка с кошелкой в одной руке и табуреткой в другой. Наверное, торговала на базаре семечками.

«Оглянись-ка, девонька, идет за нами мужик?» Оглядываюсь – идет. «Ох, как кто навстречу, он качается, как пьяный. А то прям догоняет-догоняет... Не брось меня, девонька! Боюсь я...»

Мне смешно – когда ты уже не один, разве бывает страшно!? А мужик ускоряет шаг. Ну, как догонит в самом деле? Пожалуй, что и страшно. Доходим до прудочка на углу улиц. Конец ноября, морозно. На пруду поблескивает под фонарем ледок. И я решаюсь – «Давайте по льду, только бегом!»

Нас, как ветром, донесло до другого берега. Мужик за нами. И на середине пруда ледок под ним проломился, и мужик ухнул в воду. «Девки! Не бросайте!» – завопил на всю улицу. А мы стоим на берегу и хохочем. Надо бы бежать. А силы все в хохот уходят. До слез, до икоты. Мужик в воде барахтается, там глубины-то по пояс. Ничего, выберется. Мы опомнились и побежали.

Что там с ним потом было, не знаю. А тетку проводила другим путем. Ей ещё до дальней слободы топать. Вернулась домой и всю ночь во сне смеялась. Мои домашние утром все удивлялись – к чему бы это?

Аля серьезно выслушала и убежденно заявила: «Вот и ты уже не одна, чего бояться? Теперь найдешь выход. Я вижу – сможешь!»

В её голосе было столько уверенности, даже убежденности. Они-то и заставляли меня готовиться ко второму поступлению в университет просто яростно. До смешного – научилась читать на ходу. Хорошо, что дорога всегда была одна и та же.

Поступила. Аля-Галя учились на третьем курсе, но меня не забывали. Аля уже всю печаталась в «Комсомолке». После моего второго курса Аля позвала на временную работу, разбирать письма, приходящие в редакцию на викторину, посвященную Ярославу Гашеку. Месяца два жила в эйфории. И любимая газета, и такие интересные письма, и можно было бегать к Але, которая всем этим руководила.

Аля так и осталась работать в «Комсомолке» на всю оставшуюся жизнь. Командировки, командировки – всё очерки о людях. Когда Али уже не стало, коллеги выпустили книгу её очерков «Тысяча и одна дверь». В предисловии есть очень важная для меня фраза: «Счастливая на друзей, она и сама была замечательным товарищем». Автор очерка об Алевтине Левиной называет её «репортёр милостью божией... прирожденный газетчик», а может быть ещё важнее был её дар внушать другим уверенность в себя. Всем, не только героям её очерков.

Поначалу носила ей свои опусы. Её очень справедливые оценки и непременно одобряющие слова, подсказки оказывались просто целебными для меня. Не жалея времени, обсуждала мои рабочие проблемы.

С годами встречались всё реже. Она по командировкам, я между детьми, мужем, работой. Спасал телефон, это дивное изобретение человечества!

Теперь жаль, что мы с ней говорили все о работе, да о работе. Чем она жила еще – не знаю. А может, так и жила – только работой? Проходят годы и всё чаще думается – может это и есть главное счастье?

Не уходи. Не уходи! Мы еще не сдали экзамен!

1963-й год. У-у, как давно это было – учеба в университете! Меня, провинциальную девицу, ошеломяло буквально все. Город, здания, музеи, люди, девчонки в группе. Их даже перечислять не буду. Многих уже перезабыла. Я их компании не подходила. Но благодарна им чрезвычайно!

«У нас на Волхонке...» говорит одна модненькая москвичка Стелла подружкам, искоса поглядывая на меня, приехавшую из какого-то глухого городишки Муром. Дальше не слышу. «Что же это за Волхонка такая? Ну, я не я буду, если не разузнаю».

И началось брожение по старинным улицам, музеям, вокруг бывших усадеб, вокруг церквей... Вставала часов в пять утра и со Стромынки, где было наше общежитие, по утренней Москве насколько хватит времени....

Заря и я, дворники и я, или метель и я – всяко бывало... Но дожди и метели в ту пору – явление будоражащее.

Все это тянулось год. А закончилось, вернее, приостановилось, как-то враз и даже смешновато. Еще с муромских времен дружила с командой ребят из МАИ. Они приезжали на наш завод на практику. Жили у нас месяца по два. Ну, а мы, заводская команда, как турист туристу дарили им местные красоты. Как тут не подружиться?

Был среди них милый мальчик Толя, влюбленный в роковую сокурсницу Наташу. Наташа держала его при себе «на черный день». Мне же, вечному борцу за справедливость, это не нравилось. То есть Наташа нравилась и Толя отдельно нравился. Но ситуация вся страсть как огорчала. К тому же были они в ссоре. Вот и решила их помирить.

И в следующее лето мирить продолжала, общаясь с каждым по отдельности. Вскоре обнаружилось, что у нас с Толей сплошные общие интересы. Мне все время хотелось его опекать... И вдруг Толя понял, что влюбился... В меня? Разве можно – в меня!? А мачеха все время твердила, что я такая страшная, что ни один мужик на меня не глянет... Значит, можно!

На следующий год я поступила в университет. И где-то в феврале мы расписались. Я ушла на вечернее отделение, чтоб вносить в семейный бюджет свои собственные деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.